

УСЬКОВ В. А.

Коротенькие рассказики

ТОМ 1

Виктор Уськов

Коротенькие рассказы. Том 1

«Издательские решения»

Уськов В. А.

Коротенькие рассказы. Том 1 / В. А. Уськов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838881-1

Автор — не профессиональный писатель, а свидетель, представитель многомиллионного советского народа, крестьянский сын, сменивший много рабочих профессий, дитя войны, перенесшее вместе с Родиной трудные будни колхозной жизни, тяготы и лишения военных и послевоенных лет. Подкупает, что автор «без унынья и лени» передает бумаге не только свои воспоминания, но и мысли о времени, восхищение природой, тревоги и заботы о нравственности народа, будущем планеты.

ISBN 978-5-44-838881-1

© Уськов В. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	7
О себе	8
Актриса	9
Жизнь Таисьи Павловны	10
Механическая ступа	11
Крава	12
Комары моего детства	13
Экология нашего быта	14
Курьезные случаи моей артистической деятельности	15
Роженица и врач	16
Белки-попрошайки	17
Кобра	18
Ведро с картошкой	19
Жили-были старик со старухой	20
Скрипка в ночи	21
Слепой	22
Рязанов	23
Безалкогольная свадьба	24
Встреча с профессором	25
Экология национальной музыки	26
Бабка Степанида	27
Из детства Тани	28
Запах черного хлеба	29
Любовь и старость	30
Травушка-муравушка	31
Тетушка Шпала	32
Что за чудо эта Земля!	33
Мурка слезливая	34
Трава-мурава	35
Как я приготовился к смерти	36
Как приходит старость	37
Всею свое время	38
Промелькнувшая любовь	39
Любовь	40
Осенний заказ	41
Что я чувствовал и думал во время военного переворота в России (ГКЧП)	42
Одинокий лебедь	43
Про животных	44
Как я стал гармонистом	45
Как я любил синичку	46
Самомассаж	47
В Сибири летом	48
Про воспитание детей	49
Экология нашего двора	50
Экология нашего быта	51

Дядя Вася	52
Криминал	53
Земля	55
«Фуми, фуми, зеленый лес...»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Коротенькие рассказы Том 1

Виктор Алексеевич Уськов

Редактор Ольга Зиновьевна Дьяченко

Корректор Светлана Калинина

© Виктор Алексеевич Уськов, 2017

ISBN 978-5-4483-8881-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уськов Виктор Алексеевич родился 20 января 1936 года в Михайловке (ныне не существующей) Тугулымского района Свердловской области в семье колхозников. В начале войны его отец был призван на фронт, прошел всю войну, получил ранение и вернулся домой без правой руки. В семье было трое детей, жизнь в деревне и во время войны, и после нее была трудной.

Мать, Анна Евстафьевна, женщина малограмотная, но работающая и сметливая, делала все, чтоб дети получили среднее образование.

В доме, благодаря ее стараниям, были и книги, и гармошка. Виктор сперва окончил начальную школу в родной деревне, а после четвертого класса поступил в Мохиревскую сельскую школу. С 11 лет жил на квартире, домой возвращался лишь на каникулы. Затем он поступил в Свердловское музыкальное училище на оркестровое отделение, где в 1955 году получил диплом артиста оркестра. Был направлен в Барнаульскую филармонию, но сам выбрал для себя военную службу. Наверное, многие современные молодые люди этого не поймут, но в те времена было позором не пройти армию, получить белый билет или добиваться отсрочки.

В ноябре 1955 года начинается военная биография Виктора Алексеевича. Гвардии рядовой очень быстро становится командиром отделения музыкантов, затем – последовательно – старшим инструктором – музыкантом и командиром отдельного военного оркестра. Военная часть, где служил В. Уськов, находилась на Украине, и, когда начались военные события в Венгрии, была переброшена туда. Там старшина Уськов и принял участие в боевых действиях, за что и получил впоследствии боевую награду.

Вернувшись на Украину, продолжал сверхсрочную службу, женился и потом решил вернуться на Урал, в Свердловск. Пытался – безуспешно – поступить в Университет имени Горького на факультет журналистики, снова поступил на военную службу. Много читал, пытался публиковать свои рассказы. Работал и кочегаром, и плотником, и дворником... обслуживал холодильные установки, подрабатывал музыкантом в ресторанах Свердловска.

В 1978 году решил переехать в Тюменскую область, в деревню Салаирка. Постоянно публиковался в районной газете, стал штатным корреспондентом. Заведовал сельским клубом, работал в санатории-профилактории «Геолог». Постоянно вел дневники, записывал анекдоты и всякие житейские истории...

С 2014 года живет в Екатеринбурге.

Материал для этой книги собирал более 50 лет.

Предисловие

Перед вами сборник коротких рассказов уральского пенсионера Виктора Алексеевича Уськова. Автор этой книги – не профессиональный писатель. Он – свидетель, представитель многомиллионного советского народа, крестьянский сын, сменивший много рабочих профессий, дитя войны, перенесший вместе с Родиной трудные будни колхозной жизни, тяготы и лишения военных и послевоенных лет.

Материал для этой книги автор собирал 50 лет, ведя дневники. В книге вы найдете самые разнообразные истории, в основном автобиографического характера. Здесь и быт колхозной деревни в войну и после войны – тяжелый быт, неотвратимо уходящий в историю: игры детства, отношения людей в колхозе, разные человеческие типы и характеры, рассказы современников о военных и мирных, порой трагических событиях. Детство – оно ведь хоть и босое, голодное, но все равно счастливое – с беготней, с играми в лапту и пряталки, с «перекувырдыванием» на гобчике, с педальными машинами, или колесянками, с купанием голышом в канавах... Здесь и воспоминания автора о любви, о полете первого космонавта, случаи из его производственной и музыкальной жизни, личный опыт лечения болезней, рассказы о детстве дочери Тани и даже ее сказка, написанная 50 лет назад!

Словом – срез опыта эпохи глазами заинтересованного участника.

Подкупает то, что автор, будучи в столь почтенном возрасте (ему уже восемьдесят), осознал свою задачу стать летописцем прошедших лет и современности и «без унынья и лени» передает бумаге не только свои воспоминания, но и мысли о времени, восхищение природой, свои тревоги и заботы о нравственности народа, об экологии и будущем планеты.

Что получилось – судить вам, дорогие читатели.

Ольга Дьяченко

О себе

Я, Виктор Алексеевич Уськов, родился 20 января 1936 г. в селе Михайловка Свердловской области, в крестьянской семье. Был третьим и последним ребенком – вскоре началась война. Вырос в селе Беляковка Талицкого района Свердловской области, где наша семья проживала с 1937 по 1951 г., пока не переехала в Свердловск.

В 1955 г. меня призвали в армию, где три года учили, кормили и одевали. Служил Родине исправно с 1955 по 1958 г.

Демобилизовался и поступил в университет. Учился заочно, работать приходилось и кочегаром, и паротехником, и дворником. Сменил немало рабочих профессий. По вечерам играл в ресторанах на ударных инструментах – от детства осталась любовь к музыке. Еще я всегда хотел стать поэтом.

Женился на Раисе Ефимовне Перепеличной. Она взяла мою фамилию и стала Уськовой. Родилась дочка Таня. Дочь выросла и выучилась на преподавателя французского языка. Работает она и сейчас, хотя уже пенсионерка. Кстати, училась Татьяна у нас всегда на одни пятерки.

В 1978 г. я уехал в Тюмень. Работал там наладчиком холодильных систем. Через 17 лет вернулся в Екатеринбург.

Еще будучи совсем юным, я начал собирать материал для будущей книги. Сам этого стеснялся, считая себя недостаточно грамотным для писательства. Заполнил 100 записных книжек за 50 лет! Хватило на книгу.

Сейчас все перечитываю и пишу, потому что время уходит. Мне уже восемьдесят. Весь больной, но пишу. Вот за один год написал 340 коротких рассказиков. Был случай, когда за день осилил сразу шесть!

Вот так – живу и пишу.

Актриса

Этот рассказик долго не имел заглавия, и до написания, и после. Потом пришла идея: оставить его без заглавия, ведь имя и фамилию актрисы я не запомнил, афишу забрали любители. А потом, когда стал переписывать, смотрю – мелко – надпись: «актриса». Так и осталось.

На самом деле я и сам не знаю, о чем мой рассказ: то ли о самом себе, своих чувствах, мыслях, переживаниях, то ли все-таки о ней, этой замечательной актрисе!

Случайно я попал на концерт одной средне известной актрисы. Санаторий-профилакторий купил ее концерт для лечащихся и отдыхающих.

Я был на работе. После работы делать было, в общем, нечего. Но надо было ждать автобус до города, работал я в с/п «Геолог».

– Ты не идешь на концерт? – спросила знакомая сотрудница.

– На какой?

Она назвала один из знаменитых фильмов и фамилию актрисы.

– Что-то я ее там не помню.

Женщина пожала плечами. А я пошел на концерт и увидел эту знаменитость.

Она очаровала меня сразу своей внешностью. Средний рост, средний возраст – около 40—45 лет, элегантна, артистична, женственна, обаятельна. И при этом достаточно скромна и строга. С первых ее слов и движений на сцене я понял, что женщина хорошо образована и эрудирована. Но бросилось в глаза, что она резко говорит о политике, из-за этого она могла показаться грубоватой. Кто знает, может, она имела право на грубость?

Как и все кинозвезды, сначала она рассказала о себе: где работала, как начинала, где сейчас работает. Потом пела, пела и пела... И пела, надо сказать, великолепно!

Теперь прошло уже немало времени, а я вспоминаю как сон ее чудный концерт, а главное, голос. И думаю: почему ее концерт не показывают на телевидении, ну хотя бы несколько номеров вставили. Ведь там иногда показывают самую настоящую жизнь!

Жизнь Таисьи Павловны

Я случайно забрел на старое деревенское кладбище. Заинтересовало оно меня тем, что мало на нем хоронят и что почти нет эпитафий. Очень я удивился, увидав памятники почти своим сверстникам и людям, которых я лично знал.

«Ну, видно, и мне пора умирать», – подумал я.

Особенно меня взволновала смерть Таисьи Павловны. «Давно ли, – думал я, – она вызывала меня через узкий и длинный коридор парт стоять у доски. Давно ли сама она ходила с детьми по дороге через это кладбище».

Таисья Павловна была очень строгая. Я прочел, что похоронена она была восьмидесяти лет, а мужу ее, еще живому в это время, было восемьдесят два. Кто из них моложе, кто старше? И пошли, и пошли воспоминания.

Меня теперь волнует ее жизнь и смерть, ведь я был в ее первом классе, и учила она нас вскоре после войны, когда и книг-то «досыта» не было. Мы все, кто учился позже, гордились своими знаниями перед старшими.

Я хорошо знал и ее, и мужа. Почему-то у них не было детей. Хотя деньги воспитывать детей у них были. Ведь они первые в деревне купили мотоцикл, радиолу, а после и автомобиль.

Поневоле подумаешь: вот и все... Как коротка человеческая жизнь.

Механическая ступа

Однажды я серьезно влюбился. Почему «серьезно»? Да потому, что я был тогда несмышлениш, в переходном возрасте к отрочеству.

Передо мной стояла большая деревянная ступа с одним железным обручем и деревянный березовый пест. Надо было бить по сухой, мороженной в прошлом году картошке, которая была облуплена, как вареная, вымыта и высушена.

Я быстро сообразил, что надо сделать. Пружины у меня не было, но рядом была изгородь из жердей. Я быстренько привязал пест веревкой к жерди. Жердь стала пружинить, пест ударял по картошке. Дело, вроде бы, пошло, но надо было долго-долго стучать, пока картошка не раздолбится.

Я решил чем-нибудь удивить ребят и девок за оградой. Станцевал «цыганочку с выходом» и познакомился с прекрасной девушкой Лидой. Я и сам умел играть на хромке «цыганочку», но тут попросил сыграть соседа. Других танцев я не знал.

Первое, надо было научиться выходить, так как «цыганочка» должна быть обязательно с выходом. Но и потом не останавливаться. И я плясал дальше. А дальше было такое, что закачаешься!

Одет я был просто – все домашнее, а дело было поздней весной, когда уже давно стаял снег.

«Ну, – думаю, – получается неплохо».

Но вскоре это мне надоело. Особенно плохо шло дело со ступой. А нужна была просто сила – и все! Брат был старше меня на четыре года и гораздо сильнее. Вот он и стал толочь, выбросив жердь.

Крава

Его звали Николай Кравченко. Коротко, в бригаде каменщиков, звали «Крава», иногда Коля. Теперь он уже был без пяти минут пенсионер.

В обед, так уж случилось, Крава рассказывал про армию, в частности, как он в первый раз ходил в увольнение.

– Ну вот, идем мы с другом – штатским, сами напились до чертиков. Это теперь борются с пьянкой – даже в газете пишут: «Попей, попей, так увидишь чертей». А раньше было: пей – не хочу!.. Ну и вот. Сначала мы с ним поменялись футболками, я хотел еще поменяться пиджаками.

– Нарвемся на дотошного офицера или хуже того – на патрулей! Что тогда?

– Ну, давай, – говорит.

Что-то нам мало показалось, насобирали на чекушку, взяли еще. Выпили, рукавом закусили...

– В часть, в часть, а то опоздаешь...

– В часть, так в часть, – пробормотал я. Когда добавился, я уже отключился – ничего не помню. Нам много ли надо было?! Мы ж не алкаши. Тем более я не пил три месяца. Мне рассказывали после...

Друг мой втолкнул меня в дверь, увидел офицера – и бежать. Думал, за ним погонятся....

Офицер на меня глянул, оторвался от разговора со старшим лейтенантом – даже сказать нечего, только глазами хлопает. Потом говорит ему: «Звони на гауптвахту: у нас солдат из увольнения прибыл в гражданском во всем, без формы, и вдрызг пьяный». Тот позвонил. Вскоре пришла машина, в которой возят жуликов. Пристыдили меня и увезли на губу...

Все. Пойдем работать.

Комары моего детства

Комар для меня – это тоненький звоночек из моего далекого детства, это воспоминания о родном селе. При комарином звоне у меня всегда щемит сердце и наводит легкую грусть-тоску. И хотя больно жалится этот проклятый гнус, но всегда радуюсь комариному звоночку – значит, пришло лето моего босоногого детства, значит, будут счастливые воспоминания о походах за грибами и ягодами, о песчаной речке, о небесных раскатистых громах с ливнями, о ребячьих играх и хороводах.

Звон комара – это счастливая летняя жара и солнце, которое ярко заискрилось цветами на лужайках и на моей стриженной детской голове.

Эх, комарик ты, комарик!

До боли родной и близкий моему уставшему сердцу.

Но бывают злые комары и в январе.

Я устроился ночевать в Ново-Пармонке, потому что задержался в детском саду на елке – играл на баяне. Мы с дежурным слесарем в «красном уголке» пристроились до утра. Слесарь дежурил, а я свое отыграл – и тоже до утра. Просто попал под вечер, автобусы уже все ушли. Попутные легковые машины тоже. И вот слышу: один писк комара, затем в два, три голоса. Они не давали нам уснуть.

– Иди, – говорю слесарю, – ищи мазь. Он ушел, принес мазь, мы намазались оба. И только тогда уснули. Засыпая, я подумал: «Вот тебе раз – где это слыхано, чтобы в январе были комары?»

Был страшный холод и лежал толстый-претолстый снег! Дело было в Тюменской области.

Экология нашего быта

Почему в передовых странах люди живут намного дольше, чем в России? Потому, что бытовая экология там намного лучше, чем у нас.

Начнем с детства. В больших группах детских садов, яслей воздух не может быть нормальным, здоровым. Тут и объяснять не надо.

В школах до сорока человек в младших классах. Разве может быть нормальным воздух, да еще в каменных зданиях? Чем там может дышать ребенок?

В поездах нечем дышать, когда там печки топят для тепла или воду кипятят. Но попробуйте сказать об этом проводнику – на тебя буквально накинется! Да и наговорит...

В кинотеатре... Да где угодно! Но форточки нельзя открывать – продует, будете кашлять. А нет, чтобы кислород пускать как свежий воздух!

Так что с плохой экологией мы связаны каждый день, чего нет в передовых странах. Вот почему у нас в России люди не доживают до естественной смерти много лет.

Сейчас, когда в России появилась частная собственность, стали появляться так называемые приборы бытовой экологии. Но это сейчас. А догнать Америку и другие передовые страны – пока даже говорить рано.

Курьезные случаи моей артистической деятельности

Помимо игры на ударных инструментах в профессиональном духовом оркестре, я еще был занят в самодеятельном квартете народных инструментов, где были гитара, баян, контрабас и кларнет.

Помню, как-то мы играли вальс Дюрана на конкурсе самодеятельных военных оркестров во Львове. Кстати, мы заняли одно из первых мест. Но я хочу рассказать про курьёзы моей игры на баяне.

Будучи в армии, я еще играл в детской организации. Однажды мы давали концерт для взрослых. И я взял тональность другую – на пуговицу ниже или выше – сейчас не помню. Прошло шестьдесят лет! Так и пришлось играть до конца, так и пели мы в разрез с музыкой.

Второй случай был в доме отдыха «Старики» на реке Чусовой. Там были камни, точь-в-точь похожие на старика и старуху. Кстати, там снималось кино «Угрюм-река». Мы играли и пели Расула Гамзатова «Журавли», «Точь-в-точь как в первый раз», «Пока нас было трое». Есть фотография. Я даже там глаза закатил!

Однажды на Новый год мы с оркестром играли, как обычно, в «яме» в Доме пионеров. На сцене – елка. И кто-то перевернул вверх ногами мой деревянный старого типа ксилофон. Ну, я и наиграл пьесу!!!

В другой раз мы в ДК Железнодорожников давали на заключение концерта «Сороку-воровку». Дирижер был тоже самодеятельный, как и духовой оркестр. Он от волнения страшно потел, когда дирижировал. Доиграли полонез, и я сбился с такта, а брякать надо было именно в конце. Я думал, что я соло-тремоло. Дирижеру некуда деваться, он потеет да дирижирует, а я даю тремоло, не жалея барабана.

Мы оркестром в ОДО давали концерт. Объявили в конце меня. Я брякал на ксилофоне «Танец с саблями» из балета Хачатуряна «Гаянэ». Стучу, а сам поддерживаю свои синие галифе. Смотрю, ребята, знакомые музыканты, хлопают в такт. Я осмелел, играю «Танец с саблями», а ребята знай хлопают.

Наконец, концерт окончен. Я подошел к ребятам.

– Чего это вы аплодировали так рьяно?

– А ты штаны все время так смешно поддёргивал, – отвечают.

Роженица и врач

Всё это было давно – ещё при советской власти...

Председатель колхоза дал нам как хорошим работникам свою лошадь и возок. Сам положил в возок побольше сена, чтобы было полегче на ухабах, и велел:

– Не жалейте и не забывайте кормить. Да не хлещи её, – не дай бог, растреплет – не останавливать. Ну, с богом.

Время было летнее: хоть и вечер, но ещё светло. Проехать надо было 14 километров. Ехали молча. Сестра моя родная Мария Алексеевна болела, и зять боялся, что жена может помереть.

Врача на месте не оказалось – день был субботний, и он мылся в бане. Геннадий, зять мой, сказал в больнице:

– Передайте ему, что привёз больную жену, она не могла родить, и сейчас, видимо, ребёнок мёртвый...

Ему не дали договорить:

– Всем приготовиться к операции, давайте наркоз. Через животик будем...

Мария Алексеевна почти сразу уснула. Быстро достали трупик, живот зашили. Разбудили роженицу:

– Ну что, будем жить и ещё рожать – живых... Поедете обратно или ночуете здесь?

– Ночи светлые, да нам и недалеко. Давно, слава богу, дождя не было, дорога добрая...

– Ну, езжайте тихонько, не забывайте, что зашит живот.

– Ну, до свидания. Спасибо вам. Извините, что обеспокоили, – сказал Геннадий.

– Хороший какой врач, – тихо сказала Мария Алексеевна.

Белки-попрошайки

Как-то я в отпуске поправлял здоровье в пансионате им. Оловянного. Это почти в самой Тюмени, но нас возили на авто в поселок Тараскуль, потому что там были минеральная вода и грязи.

Идем мы однажды с обеда не очень морозным осенним днем, снега еще немного, и вдруг перед нами метрах в десяти выскакивает на дорогу белка. Садится на задние лапы, а передними помахивает.

– У кого есть что-нибудь для белки? – остановила нас женщина.

У мужиков ничего не оказалось.

Тогда она достала из кармана шоколадку, отломала и дала кусочек белке. Та быстро схватила ее лапами, взяла в рот и поскакала с дороги в лес.

– Здесь живут белки, четверо, привыкли к отдыхающим и не боятся... Можете приносить им гостинцы: хлеб, яблоки и, конечно, семечки. А лучше всего кедровые орехи.

В другой раз я долго смотрел из окна туалета, где мы всегда курили, любовался этими красивыми маленькими животными. Женщины и мужчины кормили их хлебом, семечками, они не боялись ни людей, ни даже автомобиля. Прячут добычу, таскают, зарывают в снег, в специально сделанную клетку то и дело закапывают хлеб и другие припасы, а потом носятся друг за дружкой по соснам вверх-вниз.

Как приятно было видеть, что на дружбу с человеком хрупкий, беззащитный дикий зверек отзывается полным доверием.

Я убежден, что даже самый недоверчивый зверь может стать другом человека, ответит на его честную дружбу, искреннюю привязанность.

Кобра

Афганистан. Часть советских войск пришла на помощь афганскому народу в борьбе за свою демократию.

Виктору Пузыреву, награжденному медалями, послезавтра надо было отчаливать: дембель, как говорят солдаты. Их рота стояла недалеко от автотрассы, которую прозвали «дорогой жизни» Афгана.

Однажды Виктор случайно нашел гнездо змей. Убивать он их не стал, заинтересовался, что с ними будет, когда они вырастут? Ведь они близко от их дома... В голове мелькнула мысль, что змеёныши уже большеенькие. «Эх, жаль, что я скоро уезжаю»...

Виктор вырос на молоке и любил его, поэтому носил его во фляжке вместо воды. Он нашел как бы выдолбленное в камне блюдце и налил из фляжки молока. Один змеёныш, самый проворный, нашел молоко и стал пить. За ним стали пить и другие.

Так он время от времени начал ходить их проведывать с молоком. И вот сегодня в свободный вечерний час решил в последний раз угостить змеят и проститься. Как всегда, налил молока, но вдруг выползла змея, обвила его всего и головой-мордой уставилась прямо в лицо Пузыреву. Он замер, она ни с места. Он не двигался, наверное, целый час. «Будь, что будет, хоть сяду». Только пошевелился – змея шипеть. Так простоял целую ночь. Смерть человек принимает один раз. Он принимать ее в таком виде не хотел, оставалось стоять и не шевелиться, а там что будет...

Рассвело. Змея раскрутилась и уползла в свое гнездо. Виктор пошел в расположение и увидел страшную трагедию. Все его боевые друзья-товарищи были мертвы, заколоты ножами. И ни одной живой души! Страх охватил его.

– Душманы поработали, – тихо, но твердо сказал он.

Потом нашел своего офицера и рассказал ему все как есть.

– Тебе надо отдохнуть пару дней, – ответил офицер. – Дорогой солдатик, выполняй приказ, но сначала посмотри на себя в зеркало – ты весь до последнего волоска седой, как столетний дед...

Только тогда Виктор лег отдыхать, но перед тем ему пришлось еще раз все рассказать врачу.

– Прими таблетку успокоительную и ложись.

Перед сном он снова и снова обдумывал случившееся и вдруг понял: «Так вот почему змея меня всю ночь продержала – она спасала мне жизнь. Вот так змея!..»

Тело его вздрогнуло: так расслабляются нервы, и он глубоко заснул.

Ведро с картошкой

Была скорая весна и трясина до твердого, не оттаявшего еще льда. Я возвращался домой босиком по грязи, измождённый и уставший, нес в руках ведро с мерзлой картошкой. У ведра была сломана дужка. Из левой пятки потихоньку сочилась кровь.

Вдруг ко мне верхом на лошади подъезжает мужик.

– Ты что это, картошку несешь? – спрашивает он, как будто не видит.

– Да, картошку. Видишь, у ведра дужка сломалась, – убежденно отвечаю я, узнав соседа на лошади. То ли увидев мою пятку в крови и в грязи, то ли оттого, что все-таки был нашим соседом, сказал мне:

– Ладно, неси. Только никому об этом не рассказывай.

Я был рад стараться никому не рассказывать. «Он увидел кровь у меня на пятке, – думал я. – Это Сергей Иванович Ложников, он конюх. Послал, видно, председатель... Более надежного человека не нашлось», – думал я.

«Мне всего-то десять лет... и я учусь, а не в колхозе работаю, – продолжал я оправдываться перед самим собою. – Эх, знал бы он, как мать отпросилась у бригадира-соседа стираться, а сама мороженую картошку чистит, а меня отправила с узким ненадежным ведром!»

Плача я шел, видя перед собой твердую дорогу, не чая «избавиться от этой мяши и наконец перевязать и отмыть ногу.

Жили-были старик со старухой

Старуха была совсем глухая. Был вечер, но старуха еще «топалась». Управлялась, значит. К старику никто не заходил. Не спалось. Слышал он только шум веселого застолья. Молодежь пиновала почти каждую пятницу. Молодуха и сын работали вместе на стройке, да еще и халтурили. Их сын, пятилетний мальчуган, уже крепко спал. Приходился он больному многими болезнями старику Круглову, естественно, внуком.

Тяжелые мысли пришли к старику: «Никому не нужен, никому не нужен, – без конца вертелось в голове. – Нет, хватит, хватит! Никому я теперь не нужен».

Он даже не вспомнил о том времени, когда без него здесь просто ничего не могло жить, существовать. «Не нужен, не нужен. Зачем мешать, зачем жить? – вдруг осенило его. – Конец. Пришел мой конец, хватит». К утру эта мысль не только не ушла из головы, но стала вполне четкой и осознанной, привычной...

Старуха куда-то ушла, она не ночевала с ним вместе. Повеситься старик не мог и не представлял, как. «Зарезаться... Надо хороший нож – да и то силы не хватит... А надо, чтоб наверняка».

– Виталик, принеси-ка с кухни ножик. И молоток в кладовке найди... Принес? Ну, а теперь пойдешь на улицу, погуляй. Иди, внучек, иди гулять.

Дед взял нож, направил острие прямо себе в сердце и слабыми руками стал забивать его в грудь, пока были силы.

Когда старуха принесла старику обед, она увидела его мертвым с ножом в груди, а в окоченевшей руке был молоток.

Скрипка в ночи

Большой город. Подонки лет пятнадцати-шестнадцати. Банда человек шесть-семь. У двух братьев нечего курить.

– Главное, у вас, братья, всегда нечего курить. Вот первому задание на смелость – кто сейчас здесь пройдет, у того отобрать все папиросы.

Шел парень. Один, тоже лет шестнадцати. Со службы. В футляре была скрипка. Поихнему – нарядный. Остановили.

– Привет, – один из них говорит. – Видали, какой воспитанный мальчик – не куришь и не пьешь?

– Не пью. Ну, если немного где-то на вечере...

– Куда идешь-то? Таких что-то здесь не видали.

– У нас одна скрипачка на концерт не пришла, а завтра ехать, вот я и решил к ней зайти и узнать.

– Че, парни, сыграть ему? Есенина – «Мурку»? – это главарь банды.

– Это не Есенин, дурак, – заговорили из толпы. – А этот... как его...

А скрипач заиграл. Скрипка пела двумя и тремя голосами сразу. Казалось, она умела плакать взахлеб. Пела она и громко, и тихо, если надо – так тихо, что можно было слышать писк комара.

Парни, которые поначалу тихо шептались, прислушались, сами того не замечая. Когда скрипач опустил скрипку, главарь сказал ему: «Сыграй, что умеешь, ну, свою любимую, что ли».

Парень подумал-подумал: «Что бы им сыграть, уродам?» И блестяще сыграл один из знаменитых танцев Брамса, где сочеталась плавная мелодия с танцевальной, ритмичной и быстрой музыкой танца.

Когда он закончил, парни долго молчали. Потом вожак сказал:

– Нептун, верни ему часы.

Тот посмотрел на хозяина удивленно в полумраке и подошел к музыканту: «На, я поштил».

И опять главарь обернулся к музыканту.

– Иди к своей скрипачке, иди-иди, не бойся, никто тебя не тронет. Живи, скрипач. Дайте ему футляр. Глухой, не слышишь, что ли? Отдай ему футляр.

Скрипач ушел. Парни все молчали.

Потом с хохотом пошли по домам. Стало светлее. На небе надрезанным большим арбузом сквозь небольшие облачка светила луна.

Слепой

Идет пожилой слепой человек. Летом. Прохладно. В кепке, в пиджаке. Белой алюминиевой палкой постукивает впереди себя об асфальт.

Большая автобусная остановка. Народу – великое множество. Кто успевает отпрыгнуть, кого оттопчут ногами, кого заденут плечом, кто-то стучит, стучит впереди палкой об асфальт. Для него нет этих людей. Он идет глубокой темной ночью. В любое время года. В любое время суток. Для него всегда черная ночь – всегда темно...

Если бы смотреть на экране, то нам бы показывали то кадры сплошной черноты, то, как молния на черном небе, блеск его алюминиевой палки. Людей показали бы смеющихся. Или злых, разговаривающих, молчащих, старых, молодых, красивых с сумочками и дипломатами...

Стук. Стук. Стук. Стук. Однообразный и четкий стук среди людской толпы – шумной, пестрой, с солнцем и без солнца, но среди бела дня. А для слепого – ночь. Ночь. Ночь... Нет! Мгла. Сплошная черная мгла всегда: и когда спит, и когда бодрствует.

Если бы нам, зрячим, завязать глаза, дать в руку звенящую палку и заставить идти по старой, знакомой тропе – для нас это будет непосильной задачей. Но если продержат слепым год – эта слепота уже будет не трагедией, а тяжелой, но привычной жизнью.

В основном, слепые живут в обществе слепых, где им дают работу и дотации. Там они живут полнокровной жизнью. Об одном всегда прошу: обернитесь на четкий глухой стук, уступите дорогу, помните, что это идет слепой. И не торопитесь, проводите его домой или куда-то еще. Помните, что для него всегда и всюду – кромешная ночь.

Рязанов

Много лет назад в Талице жил мастер по гармошкам, которого знал весь район. Бывало, в каждой деревне района найдется «новая» гармонь. Все знали, что она вышла из рук мастера Рязанова, потому что играла лучше любой новой.

Рязанов в то далекое время (при Сталине) аккуратно платил оброк-патент и назывался частником. «Частник» этот из рухляди делал гармонь-конфетку. Он делал новые двойные мехи (полностью как-то клеил вторую рубашку), полировал дерево (оно блестело как новое), менял все лайки (это мягкая кожа под клапанами), менял голоса, если полностью проржавели, ну и добавлял или заменял всякую необходимую мелочь. Голоса он проверял иголкой, никогда не дул в них. Это я перечислил основной ремонт. Учился ли он, где, у кого, я не знаю, не спрашивал.

Мне надо было увидеть его во что бы то ни стало. Я купил в Свердловске с рук дешевую гармонь. Два голоса не играли совсем, только воздух выходил. Сносил в ремонт, поиграл немного – снова два голоса замолчали. Гармошка-то была советская! А верх был в порядке. Собрался я и поехал к нему в Талицу. Мне рассказали, как найти Рязанова. Зашел. Передо мной простой мужик средних лет сидит и что-то ковыряет в гармошке. Одет в домашнее, бытовое.

– Ты, я вижу, принес, показывай.

– Да мне нужно поставить два голоса. Мне два голоса делали.

– И неплохо наклепали. Неплохо, неплохо... В Свердловске, в мастерской? Сделаю я тебе два голоса. Приходи через неделю.

Через неделю я забрал гармошку. Брал он по тем временам дорого, но делал, я уже говорил, на совесть!

Безалкогольная свадьба

При Президенте (тогда генеральном секретаре) Горбачеве стали привычными безалкогольные торжества, в том числе и свадьбы.

Встретил как-то приятеля с женой.

– Здорово!

– Здравствуй. Ты не иначе как со свадьбы. Ну, ты даешь! Ведь я видел тебя три дня назад. Ты ехал, видно, как раз на эту свадьбу, как огурчик! При галстукке, веселый, я даже позавидовал, глядя на тебя. Где галстук-то, потерял? Что, безалкогольная свадьба была?

– Уж и не говори... Говорят, чуть не по ящику вина было на человека. Многие гости не явились – не рассчитали хозяева. Сначала и вправду хотели сделать безалкогольную, да куда там...

– Да, вот уж поистине говорят: «Куда идешь? – На свадьбу! – ответ веселый, бодрый. А потом, видя тебя замызганного, понурого, сердитого: – Откуда идешь? – Со свадьбы».

Так и ты. Посмотри, на кого похож? Зарос, морда опухшая, глаза провалились, во всю щеку ссадина – ей-богу, эта свадьба тебе год жизни будет стоить!

Жена сказала: будь они прокляты, все эти вечера, праздники, свадьбы... Ты ведь знаешь, я просто так не пью...

– Ну, расскажи хоть, что там веселого было?

– А что рассказывать? Свадьба как свадьба, весело, конечно...

Встреча с профессором

Я искал могилу отца, а наткнулся на могилу знакомого профессора. Не буду называть имени, потому что его ученики, может, еще живы. Это они мне испортили печень – сожгли каким-то лекарством, благо, я вовремя бросил принимать это лекарство. Почуял нелады – и выбросил подальше. Конечно, это бывает редко!

Я ездил тогда молодым еще на «Москвиче-401». Покрасил его в цвет «морской волны», заменил сгнившие пороги и другое барахло.

– Смотри, какая у тебя красивая машина стала. А то все были серые да серые... У меня тоже была «Волга-21», но я ее продал.

Сам он был худощавый, еврей, среднего, даже небольшого роста. Одет просто, не по-профессорски: все серое, мужицкое. Не похож на профессора медицины.

– Я долго добивался встречи с Вами, – наконец добился. Но приняли меня Ваши ученики, раздели, обследовали, все как положено, только они ошиблись, дали мне не то лекарство. Знай бы я, что не Вы будете принимать меня...

Профессор молчал. Отвез я его, куда он просил, – и все. Его я не виню, ведь он не сам меня осматривал, но зарок себе я дал крепкий: никогда не искать пути к профессорам!

Теперь он лежит в сырой земле и ничего не говорит... Вот так и произошла моя вторая встреча с профессором.

Экология национальной музыки

*Мелодия – душа музыки.
Вольфганг Амадей Моцарт*

Я убежден, что если проиграть пять мелодий и собрать пять ансамблей из разных стран, то ни у кого не возникнет желания угадать хотя бы одну мелодию. Настолько современные мелодии, как говорится, ни к селу, ни к городу!

К золотому фонду культуры они, конечно, не принадлежат. Экологическое вымирание национальной музыки происходит во всем мире!

Композиторы! Дайте в музыке своей сочувствие горю моему или радости! Дайте песню, музыку, созвучную моей душе, моему настроению! Я так люблю музыку мелодичную, спокойную или буйную. Как говаривал покойный Образцов: «Гитара не нарушает тишину, а создает ее».

Музыка, будь то «Эгмонт» или «Кориолан» Бетховена, при всей мощи оркестра, не нарушает тишину, а создает ее. В душе моей рождается созвучие, гармония. Разная музыка будит разные чувства, которые во все времена зависели от композитора, его личности и его национальности.

Теперь, похоже, музыку создают роботы всего мира – и все на один манер. Но была же когда-то цыганская музыка, русская, украинская, еврейская – и столько, сколько наций в мире!

И русский понимал музыку кавказскую. Любой народ понимал музыку другого народа, потому что билось в этой музыке всегда одно общее всему миру человеческое сердце. Музыка – это солнце, которое греет и чернокожего, и белокожего человека одинаково.

Бабка Степанида

С тех пор как сыграли свадьбу, Мария пришла жить в дом Владика и его матери, бабки Степаниды. И становилась Мария Семеновна хозяйкой в доме все больше и больше, видя, что ее муж молчит.

Шире-дале, Мария вообще перестала с бабой Степанидой разговаривать. Степанида готовила вкусно, но сын не ел, чтобы не обидеть жену.

– Ты что не ешь, сынок, я тебе каши твоей сварила?

– Да потому, мать, что сейчас не модно быть толстым.

Владик сам не замечал за собой, как стал разговаривать с матерью все реже и реже. Так прошло около года.

Владик возил свою возлюбленную на Жигулях. Третья модель Жигулей оказалась ходкой и крепкой. Потому что матери дали ее новой. Сам председатель колхоза за нее заступился.

– Вот, тетка Степанида, жена погибшего, сама стоит на очереди десять лет, даже состарилась, но все еще работает. Я понимаю, что берет она для сына. Давайте проголосуем за нее. Постановили на очередном собрании ее наградить. Единогласно!

Так и выделили ей автомобиль. Поехала она в район и купила на себя.

Только недолго довелось сыну ездить на автомобиле...

Сын отвез мать в Дом престарелых. А она ему:

– А теперь вылазь, сынок, и живите с богом со своей Марией. Вылазь, вылазь давай... Я хозяйка этой машины.

Делать было нечего, рядом стоял директор Дом престарелых. Она договорилась с ним заранее, что он ее берет вместе с Жигулями. Сын Владик ушел со двора расстроенный.

Из детства Тани

Дочка:

– Когда я вырасту большая, я тоже заделаюсь писателем. Напишу про Иринку Анненкову – издам большим тиражом!

– Таня, покажи-ка мне свои зубки. У-у, какие редкие, некрасивые. Вот плохо ешь, и потому зубы плохие... А будут зубы некрасивые – и замуж тебя никто не возьмет...

– Ну уж... Тебя-то, такого козла, взяли!

Мать как-то взяла Таню с собой на работу в магазин на весь день.

Одна из продавщиц оставила на столе ершик – то ли мыть бутылки, то ли приборы какие-то чистить. Вернулась.

– Я у вас не оставляла ершик?

– Нет. Я не видела.

А вечером, когда собирались домой, продавец-напарница увидела у Тани тот самый ершик завернутым в газетку.

В жизни каждому приходится торить свою дорогу в первый и единственный раз. Потому, как говорят, чтоб не наломать дров, смолоду надо обязательно слушать советы старших, уже прошедших тот путь дороги, на котором теперь стоишь ты. Но, прислушиваясь, надо все делать по-своему – ведь идти этой дорогой тебе.

Приятно думать, рассуждать о том, что человечество неизменно движется по законам жизни к прогрессу, к миру...

Я верю в мирное будущее, когда войны останутся лишь в истории, а оружие станет бутофорским для торжеств и красивых красочных парадов.

Нации рано или поздно придут к торжественному миру и согласию. Народы будут ездить друг к другу только в гости, за искусством, за прогрессом. Это будет на Земле при достижении человечеством равенства и братства. Все это наступило бы еще быстрее, если бы люди грамотные, познавшие науку, создали единый международный совет, вроде парламента, который могли бы избирать все люди мира. Он бы и решал все мировые вопросы.

Я верю в разум человека и убежден, что он не допустит гибели планеты и человечества в атомной войне. Но разум восторжествует еще не скоро.

Запах черного хлеба

Как-то я купил свежий, мягкий хлеб, который назывался украинским. Дома мы с приятелем его нарезали и с удовольствием ели. И я почувствовал ржаной запах. Повеяло сразу чем-то родным и далеким.

Никогда не думал, что хлеб пахнет детством, так же, как запах в детских яслях всегда напоминает нам наше детство. Запахи полей, где не раз приходилось и работать до пота, и есть ржаную краюху.

Не каждому запах ржаного хлеба кажется родным. Но мне он врезался в память во время войны и в последующие годы настолько остро – ведь когда голодному выпадает редкая удача съесть настоящий кусок ржаного черного хлеба, это просто не передать... Мне кажется, именно ржаной хлеб особенно пахнет лугом, пахнет свежестью сжатого поля...

Жаль мне человека, который не может по запаху отличить ржаной хлеб от пшеничного...

Любовь и старость

Любви все возрасты покорны...

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»

Июнь. Жара. Еще мало свежих овощей. Я разговариваю со знакомым продавцом об одном примечательном покупателе.

– ...Седой весь, брови седые, смуглый, кареглазый. Среднего роста. Видно, что большим начальником работал: костюм черный, рубашечка белая накрахмалена, галстук черный, без головного убора.

– На нем все торчит, только не прилегает, – говорила директриса магазина, заметив его.

Линда – так мы между собой звали продавца овощей – рассказывала о нем:

– Раз, другой, третий... Сперва я его не замечала. Потом отметила как постоянного покупателя. Он такой аккуратный, вежливый. Что-нибудь да купит, отойдет и смотрит. Однажды, народу было мало, он заговорил:

– Мне всегда приятно у вас покупать.

В тот же день пришел снова, принес кулек конфет «Белочка».

– Это вам за хорошее обслуживание: вы всегда встречаете нас с улыбкой, с хорошим настроением. Я хочу вас угостить, не отказывайтесь.

Скромно, культурно, спокойно так говорит.

Фая ему посоветовала:

– Так вы напишите ей благодарность в книгу, раз она хорошо вас обслуживает.

– Нет, это бумага, а это – просто от души.

Приходит в другой раз, снова заговаривает.

– Ну, что мне сегодня вам сказать? Уже всего накупил, дома полно всего – зря лежит, а увидеть вас хочется. Я живу один. Жена умерла шесть лет назад, вот если бы я вам предложил руку, вы бы тогда, наверное, знали, что мне купить надо?

– Ну что вы! У меня своя семья, а потом... Я ж вам в дочери гожусь!

– Я бы вас любил больше, чем муж. Знаете, когда я прихожу к вам, то начинаю вспоминать свою молодость, вы такая всегда веселая, глаза ваши излучают свет, улыбка не сходит...

Тут не дали договорить покупатели. Потом он ушел. Вскоре снова явился.

– Извините, я вам тут наговорил, важно было, поверьте, от души. Извините, до свидания!

Мне всегда было приятно.

Приходил он и еще. Пришел однажды – и снова о своем. А я спросила: зачем вы ходите?

– Извините, мне просто очень радостно смотреть на вас.

И всегда говорил какие-нибудь комплименты. Если народу много, он купит, заметит мне что-нибудь.

– Что-то вы сегодня выглядите неважно.

Или какой-нибудь комплимент-замечание:

– Что ж вы сегодня губы не накрасили, вам так идет!

А потом отойдет и еще поглядывает. Мне, конечно, некогда за ним наблюдать, народу полный магазин, а он этим пользуется!

Вот и все.

Травушка-муравушка

Ранней весной – только вчера еще был снег – нежно зеленеет первая маленькая травушка-муравушка.

Кажется, она вышла прямо из-под снега! Как радуется глаз и сердце эта первая зелень...

Да, это трава, наверное, во всем мире одинакова! Это она покрывает аллеи прекрасных садов и парков, превращая и окрашивая землю в зеленый ковер. Вспомнишь и раннее детство, когда, прячась от зноя, валялся на этой травке, да еще с ромашками где-то в тени.

Вспомнишь и юность, когда, уже не прячась от солнышка, раскинешься на спине и смотришь-наблюдаешь небо и небольшие набежавшие облачка...

– Эй, ребята, смотрите! Вон облака – будто два огромных медведя борются друг с другом... А вон лошадь в колеснице!..

Благодатная ты, травушка, зеленая муравушка! Спасибо земле родной за тебя, за детство на полянке, за гордую юность, за добрые вечные воспоминания!

Тетушка Шпала

...Были и у нее положительные качества: она никогда не воровала, никому не завидовала, не делала зла. Словом, никому не мешала, а просто жила как умела, как могла своей бедной и, в общем-то, достаточно беспечной жизнью.

Может быть, именно за эти качества к ней относились, хотя немного иронично, как ко всем необычным людям, но с сожалением, с сочувствием.

Так, однажды в сырое лето она так и не окучила свою картошку при усадьбе. А осенью так и не выкопала ее вовремя.

И вот уже когда все соседи убрали свою картошку, пришли, сговорившись, к ней человек пять разом и выкопали. Картошка была хоть и не окученная, вся в траве, но на удивление крупная, хорошая.

Прозвали ее «Шпалой» вовсе не от той шпалы, на которую кладутся рельсы. Просто она никогда не открывала сразу, когда бы к ней ни пришли, даже если не с утра:

– Дак я еще шпала, хотела вставать...

Она не произносила букву «с», у нее не было нескольких передних зубов...

Если приходили к ней в обед – точно так же:

– Дак шпала я... Прилегла...

Так и осталась она шпалОй.

Тетушка Шпала сама не помнила, был ли у нее когда-нибудь муж или нет. То ли по доброте, то ли от вечного одиночества она не отказывала переночевать ни одному мужику, будь он женат или холост. Не отказывала даже молодым парням. Однажды у нее переночевал подвыпивший деревенский, женатый мужик Спиридонов Петро. Утром пришла жена с подозрением. И точно! Петро уже сидел и надевал сапоги. Жена Анна отругала сначала мужика, а потом добралась и до Шпалы. Та молчала. Когда Анна выговорилась и умолкла, Шпала сказала:

– Забери ты своего Петю, куда он у тебя не годится как мужик.

Той больше нечего было сказать. А Петро больше в жизни не приходил к Шпале.

Работала ли Шпала в колхозе? Конечно. Но так себе! Уж точно не в передовиках!

Детей у нее не было. Налогов она сроду не платила, скотины не держала, и налог на землю выдрать с нее никто никогда не мог, даже в Великую Отечественную войну.

Что за чудо эта Земля!

Каких только нет красивых растений! Каких только нет полезных ископаемых! Это все запасы Земли. А что только на ней не растет! От хлеба насущного до самых прекрасных цветов!

И кто только не живет на этой прекрасной Земле, в воде и на суше! И все красиво, рационально, обоснованно. И сам человек, казалось бы, порождение самого космоса! И все ему дано на этой Земле – бесплатно. Казалось бы, бери сколько надо тебе, но не более.

Но человек стал алчным до бесконечности!

Если мы не остановим свою неукротимую алчность, мы погибнем, перегружая себя добром природы и загрязняя ее вредными отбросами.

Мы изо дня в день ежеминутно увеличиваем и распространяем вредные для жизни, для себя, для Земли и всего, что на ней живет, микробы и вирусы. Земля уже не может сопротивляться человеку.

Ну что ж, если мы не хотим умерить свою алчность, не хотим отвечать за свои вредные отбросы, то человечество, взрастившее себя до космической красоты и цивилизации, само же от себя и погибнет. И если оно так – туда ему и дорога!

Мурка слезливая

Поскольку у дочери Тани первым в жизни котенком был маленький пестрый Мурчик, всех последующих кошек она называла Мурками. А первого она сама отпоила красным вином!

А эту кошку мышинового цвета Таня с мамой подобрали в соседнем дворе. Из глаз у кошки постоянно текли слезы: то ли ее били по голове, то ли что другое – неизвестно. Таня сразу назвала ее Муркой...

Мы тогда построили одноэтажный дом, и без кошки стало жить невозможно – мыши одолели. А Мурчик куда-то сбежал насовсем. Мы его долго ждали...

Мурку я после умного Мурчика сразу не залюбил. Она могла ни с того ни сего залезть по спине и сесть на плечо. А если я без пиджака!! В ней была сиамская кровь. Хотя порой она мяукала, просилась на руки, сидя рядом.

Немного попозже, когда поправилась, она стала уходить на неделю, а то и на две. Потом родила одного котенка. Когда он подрос, снова стала уходить. Вот нет ее сутки, двое. Потом приносит хомяка. Котенок явно не справляется – большая добыча. Половина осталась.

Таня смотрела-смотрела и принесла двух городских кошек. А я как раз поймал двух живых мышей. Выпустил их из старой, еще решетчатой мышеловки. Они разбежались в разные стороны. А кошки – мама и дочка – только посмотрели им вслед. Я тогда сказал дочери:

– Что это за кошек ты принесла? Две мышки обхитрили их.

Таня с мамой приучали этих городских кошек пользоваться унитазом. И те вдруг быстро все поняли. Старшая, видно, показала младшей...

И тут наша старая Мурка явилась – не запылилась. Надрала новую. Маленькая сидела в углу. Я побил Мурку ремнем, чтобы знала, как уходить надолго, и выбросил в сенцы.

Через какое-то время она снова зашла. Мне ее стало жаль. Я ее напоил молоком, впустил в дом, она села потихоньку под стол в уголок.

Я ей дал белого хлеба с маслом, а затем все-таки выкинул в сенцы. Она ушла и больше не приходила.

Кошки, видимо, все понимают: Мурка поняла, что перестала быть хозяйкой, и ушла насовсем.

Трава-мурава

Так мы любовно называем полянки, поляночки по деревням, селам и даже городам, любуясь и вдыхая свежесть маленькой зеленой травки, особенно ранней весной. Боже ты мой! Ведь еще кое-где снег не растаял, а травка на проталинках-полянках уже зеленеет слабым нежно-салатным цветом.

Когда ты успела вырасти, зазеленеть, до боли напоминая детство, нежная, шелковистая зелень?! Да, да, если внимательно наблюдать, сначала она как зеленые бусинки, разбросанные щедрой рукой, прорывалась сквозь серую прошлогоднюю траву. Через день-два она вдруг показалась сплошным светло-зеленым покрывалом. А еще день-два – и вот уж стала яркой-яркой от весеннего солнца!

Так молодая девушка, казалось, еще вчера бывшая неуклюжим подростком, вдруг покажется стройной, обаятельной девушкой, чарующей своей молодостью! Кто-то скажет про нее: «Посмотри-ка, да она же красавица, невеста!»

Вот и полянка перед моим окном вдруг однажды оказалась сплошным предвещающим жаркое лето зеленым ковром, на котором так хочется растянуться, поваляться, отдохнуть безмятежно от всех беспокойных будничных хлопот.

Все это благодатная природа...

Огромное спасибо нашему доброму волшебнику – солнышку, безвозмездно дарящему красоту и жизнь всему живущему, в том числе и людям.

Как я приготовился к смерти

У меня с детства часто болел желудок, а ближе к пенсии и вовсе. И вот меня стало рвать, рвет, что бы ни поел! День, другой рвет, даже от лекарств. Началась слабость, руки дрожат. Немного повысилось давление. «Ну, думаю, приходят кранты. Наверное, рак желудка. Рвота – это первый признак рака. Не за горами и смерть. Что ж, мне уже пятьдесят девять. От рака умирают и более молодые. Немало моих друзей и знакомых – даже и косточек не осталось. Вот и моя пора приходит».

Грустно, конечно. Но что делать, как утешить себя? Хотя бы малым: и лет порядочно прожил, и жизнь видел со всех сторон, и у смерти близко бывал. Стал вспоминать – раз пять! Но выходил из таких ситуаций невредимым.

И вот – рак. Жаль, если не успею приготовиться. Надо бы хоть как-то вещи продать, что ли – ведь все уйдет куда попало, разве что раздать родственникам...

А впрочем, что жалеть: сдохнешь – ничего не надо, не я первый, не я последний. Это живым все надо. Жаль, что много не успел. Да и пожить для себя толком не успел... Впрочем, и все ведь так...

Я стал вспоминать других умерших близких и очень знакомых. «Что странно, – мысленно анализировал я, – часто бывает, что человек погибает именно тогда, когда становится можно пожить да порадоваться, при каких-то успехах, особенно материальных.

Ну что ж, умирать – так умирать. От судьбы, как говорится, не уйдешь, поболее, сколько-то протяну как-нибудь... Как другие... Но через пару дней мне стало легче, рвота стала проходить, я начал понемногу есть. Но почувствовал боль под ребром, отдавалась она в левом боку.

«Так ведь это с печенью что-то, а вовсе не рак желудка! Так вот чего надо было лечить!» – подумал я.

Вероятно, у меня было какое-то отравление. Я начал вспоминать, как выпил где-то рюмку коньяку, а это оказался вовсе не коньяк, а какая-то гадость. После запил кисло-ядовитым соком.

«Точно, отравление, – немного воспрянув духом, рассуждал я, – надо теперь лечить печень, а не желудок. От печени так сразу не умирают».

Настроение стало подниматься, появилась надежда на выздоровление. Значит, еще поживу сколько-то!

Я сходил в больницу. Дали проглотить что-то типа резиновой трубки. Дали рецепт на лекарства от печени, прощупали живот. Вроде все хорошо. «Теперь возьмусь за себя. К черту курение, острую пищу, да и вообще, что попало и как попало есть не буду. Если чего-то захочется вредного, то съем чуть-чуть.

Ну вот, а я уж совсем хотел богу душу отдать. Нет, я еще поживу!..

Так первый раз в жизни я по-настоящему готов был умереть.

Как приходит старость

Старость – она приходит к человеку постепенно, потихоньку, исподволь, как осень. Недаром старость человека часто называют осенью.

Все, наверное, замечали, как после жаркого лета становится все холоднее и холоднее: утренние зори, холодные росы, чаще дожди. Не заметили, как пожелтела березка под окном, а уже краснеет на опушке осинник.

Так и человек. Вдруг обнаружит однажды в зеркале заботливые морщинки на лбу, у глаз. «Все, появились морщины», – скажет про себя или вслух. Но знает, что до старости еще далеко!

Дальше постепенно, но неизбежно приходят болезни – все чаще болит поясница или желудок. Нет уже той свежести по утрам...

Вот так однажды обнаруживает человек признаки надвигающейся старости – морщины, седину, болезни. А ведь он еще даже не на пенсии!

Всему свое время

Всему свое время, повторяют все, но быстро об этом забывают. Между тем, и правда – каждому овощу свое время. И рыба ловится тогда, когда и должна.

В лес за грибами, когда уж время их прошло, отправился я осенью в бабье лето. Вспомнил, что много было нынче грибов, год урожайный.

И вернулся пустой из леса. Ну как же так? Ведь столько было грибов!

Подумал – и сказал себе: «Нет – всему свое время! И грибам время, и ягодам, и любви время, и смерти».

Промелькнувшая любовь

Я ехал домой в совсем пустом вагоне поезда. Со мной в купе ехала только одна маленькая, поленькая девушка. А я тогда только что женился.

Девушка позволила себя целовать. Рассказывала про старшую сестру, передовую работницу, в газете была ее фотография и коротко о ней: что живут они без отца и матери, вдвоем с младшей сестрой.

Видно было, что я этой девушке очень нравлюсь, и она готова отдаться мне. Я перебрался на ее полку. Ну и, конечно, сна не было, хотя была глубокая ночь...

Но я побоялся последствий, тогда было очень строго. По ней было видно, что она еще ни разу не целована. И я не сделал ей ничего плохого.

Вспоминала ли она меня потом, помнила ли? Возможно, я больше пожалел Настю – свою молодую жену. Конечно, я и сам сильно увлекся, чуть не потерял голову и вполне мог рискнуть уехать с ней в неизвестность. Но, повторяюсь, побоялся последствий.

Так что извини меня, дорогая. Видит бог, как говорится, но тогда, в то время, я любил тебя. А по вагону без конца взад-вперед ходила проводница...

Любовь

Звали ее Любой. Я приехал домой на зимние каникулы. Шло как раз отчетное собрание. Выступили, высказались почти все, кроме нас, конечно. Ладно, что нас не выгнали! Я для них был чужой, а Люба недавно начала работать.

Мы понравились друг другу, познакомились. Оказалось, она старше меня на год. Я тоже был на третьем курсе. Оба мы были молодые, я немного повыше ее, хотя и невелик ростом, а она – полненькая брюнетка. В общем, пара, да и только!

Заговорили мы о житье-бытье.

– Ты что закончила?

– Да вот, после десятилетки пошла в агрономический на факультет «курица», – она улыбнулась, показав маленькие зубки.

– А мне вот еще год надо было учиться, но я пошел в музыкальное училище.

– Ну, так вы молодец. А меня вот направили в ваш колхоз, руководить двумя женщинами – они ухаживают за птицами, а я яйца собираю. – Она опять показала два ряда мелких зубов...

Люба немного стеснялась своей профессии. Ну как же! Я-то ведь музыкант! Но мне важно было, что Люба простая деревенская девчонка, ничем не избалована, как некоторые городские.

Мне нужно было завтра ехать, каникулы у меня заканчивались. И я уехал в надежде, что Люба дождется меня. Где она еще возьмет музыканта? Мы договорились, что писать друг другу не будем.

– Я скоро приеду на летние каникулы.

– Ну и ладно.

– Но учти, мы сделаем свадьбу небольшую...

Она промолчала. Ранней весной я узнал от родственников, что моя Люба умерла.

– Как?! – не выдержал я.

– Да очень просто. Заразилась куриной болезнью. Куриц всех сожгли вместе с курятником. А она умерла в больнице. Вот и все...

Скажу только, что это было шестьдесят лет назад.

Осенний заказ

Осень в человеческом понимании ассоциируется с плохой погодой, холодом, слякотью – и, думается, справедливо.

Но мы все также помним «...в багрец и в золото одетые леса, в их сенях ветра шум и свежее дыханье, и мглой волнистою покрыты небеса»... А я скажу еще: солнца, солнца много, холодного осеннего солнца. Это признаки осени. Это осень гуляет, празднует, так же как люди гуляют свои любимые праздники после утомительных будничных трудов.

Вот, наверное, за что многие из нас больше всего любят осень, а не только за запах первого выпеченного хлеба, за обилие осенних даров природы.

Что я чувствовал и думал во время военного переворота в России (ГКЧП)

Утром, случайно включив радио, я услышал информацию ТАСС: указы, приказы нового правительства по случаю будто бы болезни Президента. Читал их Янаев.

Я сразу понял, что это липовое правительство, военный переворот.

Я пал духом, буквально заболел, впал в апатию, лежал и думал: «Зачем работать – ведь эти сволочи могут сделать все что угодно с моими деньгами – отобрать, удешевить. Опять начнется неправда, вранье, цензура, – все старое, что было всю жизнь на моем веку. Мелькнула вдруг надежда – и опять фига.

Я знал, что это ненадолго, что сейчас другое время и люди не те, они хлебнули правды и свободы. Но на сколько они пришли к власти, кто их выбирал, черт его знает! Вот в чем беда.

Я начал следить каждый день, два дня не ходил на работу – не было настроения. И вдруг появился свет в конце темного тоннеля. Показали Ельцина, народ. Народу было целое море! Вслух сказанный указ Президента Ельцина о том, что все это липа, что не надо выполнять приказы и указы ГКЧП, всеобщая, бессрочная забастовка и так далее.

Все. Теперь ГКЧП вряд ли победит! Я, как и многие, думал: «Почему танки, если это законно? Почему – больной Президент? Ни разу его не показали, не сделали интервью с ним».

А были и такие, кто приветствовал переворот. Например, наш секретарь коммунистической организации. Он попался мне навстречу на трехколесном «Иже». Когда я ему сказал, что всего три дня продержалось правление коммунистов, он дал газу и пробуксовал по сухому асфальту. Секретарь не слушал радио.

И – полное облегчение, почти счастье.

Пусть не будет хватать водки, сахару или еще чего-то, но если нет свободы – это уже все!

И наступил праздник в душе! Вот так! Знай наших!.. Ура!.. Хотя не расстреляют.

Все это было в конце третьего дня.

По телевидению и радио ГКЧП четвертый или пятый раз транслировало «Лебединое озеро».

Дикторы телевидения и радио говорили упавшими, безразличными голосами... После оказалось, что Павлов был пьян.

Одинокий лебедь

Его подстрелили, перебили крыло. Сказать, что это птица, которая живет только по инстинкту, значит говорить неправду. Лебедям свойственна верность и привязанность друг другу, значит любовь, как у людей, только еще сильнее. Это было в нашем поселке или в деревне.

Подстрелили лебедя. Он не смог лететь и упал. Но не разбился: это было над заросшим озером. В общем, лебедь упал удачно.

Тут же нашлись охотники за легкой добычей, стали стрелять в него, но у нас браконьеров не любят. Вот и этого охотника побили, подоспели вовремя, не дали застрелить птицу.

Лебедь остался жить в деревне, и все его полюбили. Пацаны целой ватагой приносили ему поесть – кто каши, кто хлеба. Взрослых он боялся, а детей – нет. Сначала только побаивался к ним выходить. Позже, когда дети уходили, с жадностью все поедал. Потом уже стал поджидать детей. Хлопал крыльями, радовался.

Так прошла зима. Снегу почти не было, лебедь к этому времени окреп, поправился, сменил «шубу».

Пришла весна, теплая, хорошая, солнечная.

Летом, до самой осени – другие заботы: досыта накормить детей...

Осенью лебедь улетел со всей стаей – своей птичьей семьей. Покружили немного над деревней и улетели в теплые края. А весной снова прилетели. И так каждый год.

Про животных

У меня жил шустрый подросток – почти сиамская кошка. Она умела высоко прыгать, бегала за мной, как собачонка. Добежит вприпрыжку до меня – и как скакнет вверх – как ей только удастся! И отойдет тихонько: дескать, я здесь хозяйка.

И вот я зачем-то отнес эту кошку в школу. Куда мне с двумя! Да и кошка старая на нее, дочь свою, стала ворчать и даже бить лапами, когда та начинала с ней играть. Молодая, правда, всегда недоумевала (и справедливо!) почему мама так поступает?..

Мать повторяла все, что делала дочка. А молодую я баловал и разрешал ей залезать на стол. Мать стала нахально делать то же самое. И еще что-то стала повторять, я уже не помню, что. Тогда я молодую отнес в школу. Конечно, я надеялся, что ее заберет, как обычно, кто-нибудь из ребят. Но их как раз уже не было в школе – ушли домой.

И там ее разорвали собаки. К своему-то псу она привыкла, не боялась. Сокол даже заигрывал с ней, и она была доверчивой и дерзкой, не ожидала ничего плохого от собак.

Жаль кошечку. Но что сделать, так получилось.

Как я стал гармонистом

Старшему брату, когда учился играть на гармошке, привязывали пальцы правой руки к пальцам гармониста.

А брат все норовил куда-нибудь убежать, кроме колхозной работы. Мать не отпускала в колхоз.

– Делать там нечего. Я роблю за трудовни, да вы еще... Только этого не хватает...

И мы вкалывали дома: копали, садили, пололи, окучивали, поливали, гребли сено и т. д. Мать считала, что дома работать – так будет толк, а в колхозе – без толку. Сама она работала в колхозе, как говорится, и день, и ночь. А когда стала стареть, ее перевели на «легкий» труд: в детском саду или на колхозном огороде. Тридцать три года она проработала в колхозе – подсчитали, когда уезжала. В Трудовой книжке одна запись: колхозница.

Извините, отвлекся.

Итак. Брат уходил куда-нибудь, а я занимался на гармошке. Мне пальцы никто и никогда к руке гармониста не привязывал. Я больше смотрел, как играют, и слушал. Например, «Златые горы» и частушки я освоил быстро. Сначала было так: мать запоеет или запляшет, а я подыгрывал. И сам не заметил, как стал гармонистом на всю деревню! Играл для взрослых, когда они устраивали вечер. Словом, я стал настоящим музыкантом. Сначала я играл где-нибудь за оградой, сидя на лавочке. Потом в клубе.

А брату хоть и привязывали пальцы к пальцам гармониста, но ничего из этого не вышло. Он так и не научился играть.

Как я любил синичку

В деревне у нас под крышей складывали рубленые дрова. Я тогда был очень маленький, даже не учился еще. И вот между дров синичка свила гнездо, а я сдуру полез смотреть это гнездо.

Синичка вывела птенцов. Меня научили: поплюй в гнездо, и все, птенцы уже не погибнут. Так и вырастут. И я начал ходить к ней каждый день. Каждый день я заплывывал гнездо. Временно она недалеко от гнезда улетала, пока я смотрел, насколько они подросли. А они были все еще голые. Я называл их про себя «голопузиками».

Сначала птенцы были, как говорится, живы-здоровы. Но то ли я не заплывал их накануне маленьких, не обросших еще, то ли еще что-нибудь, не знаю, но однажды все они оказались мертвы.

Я хорошо помню: так расстроился, что даже покраснел, жить в это время не хотелось!

А синичка, такая маленькая, с хохолком, хвостиком помахивает и что-то попискивает себе под нос. Я понял так, что она мне пеняет: «Вот смотри, мои голопузики скончались, и все из-за тебя – нечего было ходить, заплывывать»...

Самомассаж

Наросты на костях, да и в других местах, даже маленькие, нельзя греть. Только массаж! Выгревать нужно только простуду!

Едешь ли ты в поезде или в трамвае, автобусе – долго (лучше незаметно) массируй больное место. И поможет. Концы пальцев, как нам теперь известно, имеют свою энергетику, и от прикосновения их к больному месту оно излечивается.

Кроме того, при массаже идет прилив крови, а если кровь обильнее поступает – значит, лечит.

Так я вылечил за свою жизнь на себе много болячек, больших и маленьких. Например, наросты на костях. Трешь и трешь при каждом случае, смотришь – прошло!

В Сибири летом

Здесь очень редко ходят автомобили. Поэтому не такие разбитые дороги, много травы и не так жарко за солнышком. И еще здесь тишина... Слышен звон летающих комаров, паутов и прочей мошкары.

Помню: с утра солнце прячется за маленькие тучки, и жарко бывает после обеда, ближе к вечеру, когда оно неожиданно выглядывает. Наступает такое блаженство в деревне...

Вечером шум мошкары усиливается с приходом скота: от коров, овец до всякой птицы, например, гусей. Кусать их не прокусывают, но гнус летает. Особенно хорошо в нашем краю, в начале Сибири, где я живу...

Про воспитание детей

Не всегда дети хорошо воспитываются в семье сами собой. Воспитание детей – целая наука. Дети берут пример с родителей и со всех родственников – бабушек и дедушек, сестер и братьев и т. д. Наконец, материальное положение, государственная среда, школа, бытовая обстановка, да и просто чутье родителей, воспитателей – все это влияет на растущего человека. Но главные воспитатели – это все же родители. Поэтому родителям очень важно учиться, как правильно воспитывать своих детей.

Экология нашего двора

У меня всего несколько пожеланий. Самое главное – это озеленить дворы, чтобы человек вышел подышать свежим воздухом, и не зря!

Пенсионерам некогда – или сидят с ребенком, или работают, или просто сидят сложа руки.

Семена для цветов нужно заказывать в ЖКО или ЖКХ – у начальства. Иначе не видать нам при выходе из дому или под окном грядку или клумбу, на которой растут разные цветы. Ведь в садах и на дачах растут целые клумбы, и следит за ними одна хозяйка или 2—3 человека специально приглашенных ею посмотреть за цветами.

Выбирать тех, кто будет присматривать за грядкой или клумбой надо тоже по-умному. Все взвесить, продумать, выбрать хозяина. В общем, заботиться надо начальникам.

Экология нашего быта

Мы все хотим жить долго, как в Японии, там мужчины живут 85 лет, да и женщины не меньше. А что для этого нужно?

Начну с температуры воздуха. В основном люди живут при температуре 27 градусов. Им и невдомек, что самая оптимальная температура 20—22 градусов, для меня, например. При холодной температуре в воздухе меньше микробов, но ведь в некоторых квартирах даже нет комнатных градусников! Но ниже определенного предела тоже держать нельзя – будет холодно, ночью выстудит. И сквозняков надо бояться, они опасны.

Важна не только температура воздуха, но и влажность. Посмотрите в первую очередь на хлеб, как он быстро высыхает. Надо разводить больше комнатных цветов. Их, конечно, приходится поливать, не лениться, щупать землю в каждой посудине. И, пожалуй, лучше брать горшки без дырок на дне. Я чем-нибудь залепляю дырку.

Руководящие коммунисты плевать хотели на людей. Пусть гибнут – у нас народу много. И гибли люди. Особенно с развитием технической цивилизации. За последние 50—100 лет в городах выброшено на свалки сотни тысяч тонн разнообразных отходов: бумажных, стеклянных, резиновых, металлических... Загрязняя среду своего обитания, мы движемся к самоубийству. Но сейчас люди поумнели, начали строить заводы, фабрики по переработке отходов. На экологию не нужно жалеть денег. Даже мы, пенсионеры, готовы со своих пенсий уделять по 5—10 рублей на решение экологических проблем.

На экологию нужно меньше денег, чем на армию и вооружения.

И еще. В четырех каменных стенах не может организму хватать кислорода. Значит, нужно переходить на одноэтажные постройки, гораздо полезнее, экологичнее дома деревянные, стоящие на земле, в которых и зимой тепло, и летом не жарко – они дышат.

Дядя Вася

Печь получилась маленькая, но золотая.

Я искал печника, потому что становилось холодно. Осень на дворе, я почти все закончил по дому, осталось только сложить печь. Строительство всегда затягивается.

– Ты мне лучше печника хорошего найди, чем анекдоты рассказывать, – сказал я плотнику, и он дал мне адрес. Вечером я поехал к печнику, чтобы познакомиться и договориться.

И на утро воскресенья договорились. Тогда еще работали до двух часов. Вижу, мужик в возрасте.

– Можно я вас буду звать дядя Вася?

– Да хоть горшком называй, только в печку не ставь, – хохотнул он.

– Дядя Вася, у меня мало кирпича, только 300 штук, а осень на дворе...

– Хорошо, что предупредил. А сушить валенки надо будет? Да и я, и жена поможет.

И надо бы духовку...

– Ладно, маленькую заведем... А глина-то есть?

– Глины навалом, привезли...

– Завтра приходи, как раз воскресенье. Дорогу к нам ты знаешь, рядом остановка. – Я подробно рассказал, где живу.

– Ну, до свиданья. До завтра...

Наутро побежал за ним, он живо развел глину, как ему надо, и сложил все кирпичики.

Печка готова.

– Дядя Вася, а трубу можно поставить железную? – только и успел я спросить. Он перебил:

– Я уже поставил, кирпичей хватило.

– Ну, ты молодец, садись за стол, будем обедать.

Я приготовил ему бутылку водки, но «обмывать» пришлось вместе.

Дядя Вася быстро захмелел от выпитой рюмки и расхвастался:

– Я даже трубу заводскую клал, фуфайку бросил – из трубы вылетела.

Мы с женой в его рассказы не верили, но перебивать не стали.

– Затоплять? – он попросил бумаги. Нашел я только промокашку. Печь нещадно дымила.

– Печку топят с утра, – сказал он.

Я его проводил домой. К утру печь подсохла, но при попытке затопить все так же сильно дымила.

– Езжай к нему, – велела жена. Я поехал.

– Дядя Вася, печь-то не топится, дымит. Так и не смог затопить ее.

Дядя Вася надел фуфайку.

– Ну, пошли.

Дорогой мы зашли в лабаз. Я снова купил бутылку водки.

Дома он не только затёр какие-то щели в кладке, но и вытащил из нее один кирпич, потом как-то засунул его обратно.

– Буду чистить дымоходы – кирпич вытащи.

Печка наконец загудела.

Криминал

Что сказать о русском, российском криминале? Ничего хорошего, если сам никогда не занимался этим грязным делом. Но попробую.

Сложились парни на троих – и загубили хорошую семью.

Дело было давно. На визовском заводе у Николая была первая получка. До этого случая он никогда так не напивался.

– Давай выпьем с первой получки, – пристали к нему двое алкоголиков, с которыми вместе работал.

– Говорят, первая получка здесь большая?.. – спросил парень постарше.

– Ну ладно, давайте, только мне ведь домой надо...

– А нам, думаешь, не надо?.. Ты третьим будешь, так что бабе много врать не придется.

Молодые парни были не из тихого десятка.

Выпили. Захорошело.

– Ладно, давайте, сбросимся еще на бутылку, – сказал мой герой.

Сбросились. Выпили поровну. Тем мужикам хоть бы что, как говорится, а Николая так развезло, что он шел шатаясь.

Возле дома они его отпустили. Он зашел пьяный, и что-то ему не понравился сын.

– Ах ты, бездельник, ни хрена не делаешь, лень убрать за собой. Иди в угол, в кладовку. Постоишь с часок на холоде – поумнеешь! И выставил его в угол и закрыл на замок. Мальчику было лет пять. Он постучал-постучал, дверь не открывается. Он сел на какой-то ящик и уснул.

Пришла жена.

– А где Миша? – спросила она Николая. Он, хоть и с похмелья, но тут же вспомнил. Молча вышел в сенцы. Мальчик как уснул, так и замерз: на дворе было холодно.

Мать – в слезы. Позвонила в «Скорую» и сама пошла встречать ее. А муж тут же в кладовой достал веревку и повесился. Жена сошла с ума.

Вот что делает водка! В песне поется: «водка силы прибавляет, водка смелости дает»!

Сейчас я приведу еще несколько примеров, как она «силы прибавляет»...

Мать-старушка оформила пенсию и поехала из деревни в гости к дочери в город, тогда еще Свердловск. Им разрешили купить кооперативную квартиру. Так что они недолго пожили у бабушки Марии, все-таки четверо детей. Оба были еще молодые.

Матери-старушке пожаловалась внучка. Она еще болела.

– Папа меня изнасиловал. Велел сказать, что это Вовка сделал.

Девочке было 11 лет, а брату 12.

Бабку затрясло от злости. Она быстренько набрала «02». Сказала сквозь слезы:

– Так он и меня больную изнасиловал. Я пятерых деток вырастила. Мужик мой? На фронте убило.

В трубке был ответ: «Сейчас приедем». И через сколько-то минут приехали. Забрали его, успел только сказать:

– Твоя взяла...

Через год пришло письмо из тюрьмы, в нем извещение о смерти.

Говорят, его там убили, таких в тюрьме сильно не любят...

В Тобольске преподаватель культпросветучилища устраивал оргии на природе. Одна из девиц не соглашалась. Ее все равно изнасиловали, а потом убили. Их быстро нашли и разоблачили, всех судили.

В том же Тобольске сын украл машину у отца. Посадил девок, ребят и поехали – шесть человек. Прав ни у кого нет, все пьяные. Врезались сзади в МАЗ. Все убились наповал. У одной из девиц, голый, аж грудь разорвало – сидела на коленях у парня.

Приехали артисты. Один возьми и пригласи к себе в гости студентку. Она пришла, он давай к ней приставать. Она сняла туфельку и острым каблуком раскроила ему живот. Он умер. Ее судили, судья сказал только:

– Выдворить из института за моральное разложение. Не надо было к нему ходить!..

Нину Палкину, пожилую женщину, изнасиловал молодой парень возле озера. Она, не будь дура, после больницы заявила в милицию. Посадили!

В Каменск-Уральске один связал бабу и на машине в лес увез, там бросил. В одном трико она была, а стояла холодная осень.

К счастью, мимо проезжал мужик на «Москвиче», вез пассажирку. Договорились, заехали в лес. Она ему говорит:

– Вон там вроде человек сидит... И не двигается. Пойду посмотрю.

А там сидит женщина, полумертвая уже, посинела от холода.

Взяли ее в кузов. А в закрытом кузове ноль градусов. В морг отправили. Она еле-еле успела ответить на вопрос: «И кто же тебя так?» – «Муж».

Милиция поехала в Каменск-Уральский.

– Кого долго нет на работе? – спрашивают в отделе кадров.

– Да вот у нас кадровички нет три недели уже.

Поехали по городу. Тут же нашли по протектору. Он сознался, что не хотел делить имущество. Его забрали.

Мой родственник ехал на грузовом автомобиле. Уже смеркалось. Вдруг слышит, на краю леса женщина кричит, он остановился и посадил ее в кабину. Один нерусский воткнул в нее еловую шишку. Его нашли, забрали, шишку врачи вытащили.

Мой племянник, сын двоюродной сестры, отсидел три года за то, что другие насиловали девушку, а он не поехал сообщить в милицию, а стоял с мопедом «на стрёме».

И перечислять такие случаи можно долго...

Вот к чему приводит водка, которая «смелости дает».

Водка + воровство + изнасилование – и так без конца.

Земля

Земля... Нет ничего дороже и прекраснее для человека. Недаром говорят, что человек рождается на Земле и уходит в Землю.

Многие красоты на Земле созданы самим человеком – всего не перечислить. Но нет ничего такого, что сравнилось бы с красотой природы. Природа гармонична, чиста и красива не только разнообразием, законченностью форм и красок.

Эта гармония всего живого создавалась миллионы лет. Никогда природа ничего не создавала во вред самой планете – все на благо, на развитие и поддержание жизни.

Давайте не будем мешать творить ей чудеса прекрасного! Давайте, ради всего святого, не обескровим Землю. Давайте оставим детям, внукам, правнукам Землю, полную солнца и жизни!

«Фуми, фуми, зеленый лес...»

Каждый раз, когда учительница давала задание придумать пример по какому-нибудь параграфу на правописание предложения, он бывал не готов. Поэтому читал старое, давно придуманное. Или где-то из книг взятое предложение: «Шуми, шуми, зеленый лес»... Он не выговаривал «Ш», и слышалось «фуми» вместо «шуми». Класс дружно хохотал.

Так и на этот раз, задали придумать несколько предложений самим. А он, видно, забыл, что уже это читал, или думал, что учительница забыла. И снова начинал: «Фуми, фуми...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.